

Марианна Рябинина

ХРОНИКИ МАРЬЯНЫ

ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИРОВ

Она ходит между мирами.
Она говорит с богами и духами.
Она ищет Сердце Вечной Ночи.
И перепишет судьбу всех миров.

Марианна Рябинина

Хроники Марьяны:

Четырнадцать миров

Серия «Хроники Марьяны», книга 3

<https://litres.ru/73915549>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вы когда-нибудь задумывались, что будет, если шагнуть за пределы привычного мира? В древних Ведах описаны четырнадцать миров — от тёмных глубин до сияющих высот. Но кому сейчас интересно читать первоисточники? Тяжело, непонятно

Я написала иначе. Ведунья Марьяна и её тень Лим сами проходят через все четырнадцать миров. Они встречают духов, богов, мудрецов, теряют и находят память, распутывают карму и ищут ответ: кто я и зачем я здесь?

Это не учебник. Это увлекательное приключение. Но внутри этой сказки спрятаны настоящие ведические знания — о карме, перерождении, устройстве вселенной. Каждый мир описан простым, живым языком.

«Хроники Марьяны: Четырнадцать миров» — ключ к древнему знанию для тех, кто хочет понимать. Марьяна сама проведёт вас от Паталы до Сатья-локи, а когда вы закроете книгу,

вы, возможно, впервые по-настоящему задумаетесь о том, кто вы сами и какой путь проходите прямо сейчас.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Портал	7
Глава 2. Сатья-лока : Обитель истины	14
Глава 3. Совет на Буяне	28
Глава 4. Патала: Владыки нагов	37
Глава 5. Расатала: Мир демонов	48
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Марианна Рябинина

Хроники Марьяны:

Четырнадцать миров

Пролог

Вы когда-нибудь задумывались, что будет, если шагнуть за пределы привычного мира? Если спуститься в самые глубокие бездны и подняться к самым высоким вершинам? Если увидеть, как устроена вселенная — не в телескоп, не в учебнике, а душой?

Я сделала это. Меня зовут Марьяна. Я ведунья. Страж Порога. Та, что ходит между мирами. Я прошла через четырнадцать миров — семь нижних и семь высших. От Паталы, где правят наги, до Сатья-локи, обители самого Брахмы. Я видела то, что скрыто от глаз простых смертных. Говорила с богами и демонами, с духами и мудрецами. Я не просто смотрела — я проживала каждый мир, узнавала его законы, его боль, его красоту.

И теперь я хочу рассказать об этом вам.

В древних Ведах описаны четырнадцать планетарных систем — лок. Но читать первоисточники тяжело: они сложны, полны имён и терминов, которые непонятны современному человеку. Я же прошла через все эти миры сама. И я расскажу о них просто — как путешественница, что вернулась из долгого странствия и делится увиденным. Не как учебник. Как историю. Как живой опыт.

Мы начнём с самого низа — с Паталы, мира первозданного хаоса, где обитают многоглавые змеи-наги. Потом поднимемся выше — через миры тирании и иллюзий, через царства ложного богатства и чувственных наслаждений. Пройдём через срединные миры и достигнем высших — обителей мудрецов, аскетов и творца этой вселенной. И в конце пути я покажу вам то, что лежит за пределами всех четырнадцати миров. То, что я увидела не глазами — сердцем.

Откройте книгу. И мы начнём путешествие. С самого низа. С Паталы.

Я — Марьяна. И я проведу вас через все четырнадцать миров.

Глава 1. Портал

Я сидела на балконе, как делала это уже много вечеров подряд. Кружка с травяным чаем грела ладони, над болотом мерцал портал — золотисто-зелёный, привычный, почти домашний, — и Лим лежал у моих ног, свернувшись в плотный клубок тьмы с золотыми искрами. Весна только начиналась, и воздух пах талой водой, прелой листвой и первыми болотными цветами, что пробивались сквозь прошлогоднюю осоку. Всё было тихо. Всё было хорошо. Но внутри, под этой тишиной, копилось беспокойство.

После победы на Буяне прошло уже несколько месяцев. Я возвращалась туда почти каждую неделю — провести Ягу, Лешего, Печура, Светлояру. Портал стоял открытым, и Кузя с Печуром уже обменялись дюжиной рецептов, а Кочемар хоть и ворчал, но, кажется, по-своему привязался к новым знакомым. Жизнь вошла в мирную колею, и я думала, что этого довольно. Но вопрос, который я принесла из Нижней Нави, не давал покоя. «Кто я? Кем была до начала времён? Почему перехожу из жизни в жизнь?»

Я думала об этом постоянно — и днём, когда ходила по лесу с Велесом, и ночью, когда смотрела на портал. Я вспоми-

нала слова древних духов, вспоминала русалку из прошлой жизни, вспоминала странные сны, что приходили ко мне всё чаще: образы мест, где я никогда не была, лица, что казались смутно знакомыми. Что-то зрело. Что-то звало. И я чувствовала: путь ещё не окончен. Что где-то там, за гранью знакомых миров, есть ответ, который я не нашла ни на Буяне, ни в Яви, ни в Прави.

Я отхлебнула чай и стала думать о том, что знаю — и чего не знаю — об устройстве мироздания. За время странствий я узнала многое. Но теперь, в тишине, я пыталась собрать это знание в цельную картину.

Я знала Явь — наш мир, мир живых. Срединная земля, где рождаются и умирают, где вода мокрая, а огонь жжёт, где время течёт ровно, не ускоряясь и не замедляясь. Здесь я выросла, сюда вернулась после всех странствий. Но Явь — лишь один из множества миров. Над ней, в вышине, лежит Правь — мир богов порядка и света. Я была там, говорила с Перуном и видела Чертоги Порядка, но мне показали лишь малую часть. Предания говорили, что Правь — это не один мир, а целая лестница света, уходящая ввысь.

Где-то там, за гранью доступного, простирается Сатья-лока — высшая из высших, обитель творца, где само время дышит иначе. Говорят, там живут те, кто не рождается и не

умирает, кто видит все судьбы сразу. Ещё говорят о Тапа-локе — мире мудрецов и аскетов, что отказались от всего ради познания. О Джана-локе и Махар-локе — мирах, где обитают великие души, свободные от желаний, от страха, от самой смерти. О Сварга-локе - обители Бога Инды, полубогов и дэвов. В сказках эти миры называли иначе: Верхним Садам, Небесными Кузнями, Чертогами Света. Но суть одна: Правь многолика и бесконечна, как сам свет.

Ниже Яви, в глубине, лежит Навь — мир мёртвых. Я ходила туда не раз. Но теперь я понимала, что Навь — это тоже не один мир, а целая бездна. Чёрная Топь, где я получила посвящение, — лишь край, верхний слой. Глубже лежат миры, которые мне только предстоит узнать. Говорят, есть Атала — мир чувственных наслаждений, где иллюзии слаще правды и души тонут в собственных желаниях. Витала — царство гнева и неутолимых страстей, где ярость становится пищей, а ненависть — воздухом. Сутала — мир обманчивого богатства, где золото течёт реками, но не приносит счастья. Талатала, владения демона-зодчего, великого Майи, что творит иллюзии, неотличимые от реальности. А ещё глубже — Махатала, Расатала, Патала миры тьмы, миры змей, миры первобытного хаоса, где свет никогда не рождался.

Я думала об этом, и картина в моей голове складывалась, как пазл. Явь — середина. Над ней — лестница света, Правь.

Под ней — лестница тьмы, Навь. А я, Марьяна, стою на пороге между всеми ними.

И где-то среди этих миров спрятан ответ. Кем я была до начала времён? Что совершила? Почему перехожу из жизни в жизнь, а Лим — со мной? В Прави мне сказали не всё. В Нави — показали лишь намёк. На Буяне я нашла друзей и поняла, что способна менять даже богов. Но кто я сама?

Вопрос жёг изнутри. И в этот вечер, глядя на портал, я приняла решение. Не завтра. Не когда-нибудь. Сейчас. Я больше не могу сидеть и ждать, пока ответы придут сами. Они не придут. Они спрятаны там, куда нужно идти.

— Лим, — позвала я тихо.

Он поднял голову, и его золотистые искры вспыхнули ярче. Он уже знал. Почувствовал.

— Мы снова идём, — сказала я. — Не на Буян. Дальше. Я должна найти ответ. Должна пройти по мирам — и высшим, и низшим, — пока не узнаю, кто я. Ты со мной?

Он не ответил словами — просто скользнул ближе, и его холод стал плотнее, надёжнее. Ответ был ясен.

Я встала, оставила кружку на перилах и спустилась к болоту. Туда, где мерцал портал, сотканный из золотистого и зелёного света. Он висел над чёрной водой, как всегда, — дышащий, живой, связующий мой мир с Буяном. Но теперь этого было мало. Буян был лишь одним из миров. А мне предстояло пройти через многие.

Я встала перед порталом, чувствуя, как Сердце Вечной Ночи пульсирует на груди. Кожей ощутила токи силы, что шли от Алатыря сквозь все преграды, — сюда, к этому месту, где росло молодое Древо. Наше Древо. То, что когда-то было жёлудем, а теперь стало мостом.

Я подняла левую руку, ту, что с печатью, и коснулась портала. Ладонь погрузилась в золотистый свет, как в тёплую воду. Печать на ней — круг ночного неба с крошечной звездой — вспыхнула ярче. Сердце на груди ответило ей тем же ритмом. И я заговорила. Не с богами, не с духами — с самим порталом, с Древом, что стояло по ту сторону, с Алатырём, что был сердцем Буяна.

— Ты был вратами на остров, — сказала я тихо. — Но теперь я прошу тебя стать вратами в иные миры. Соедини не только мой дом с Буяном, но и все земли, все небеса, все бездны. Я хочу пройти по всем мирам. Я ищу ответ. Помоги мне.

Портал дрогнул. Его свет замерцал, потемнел по краям, а в центре — вспыхнул радугой. Я увидела в нём не только поляну у Алатыря и серебристые деревья. Я увидела далёкие небеса, где сияли звёзды, незнакомые этому миру. Увидела чёрные глубины, где клубилась тьма, пронизанная алыми жилами. Увидела миры, о которых только слышала, — и те, о которых не слышал никто. Портал расширялся, впитывая мою волю. Древо на той стороне росло, тянулось ветвями к новым мирам, а корнями — к новым безднам. Оно становилось не просто мостом между болотом и Буяном — оно становилось перекрёстком всех дорог.

Лим встал рядом, и его холод смешался с сиянием портала. Я чувствовала его поддержку — безмолвную, но твёрдую. Он был готов. Как всегда.

Я опустила руку и посмотрела на портал. Теперь он был иным. Не просто вратами на Буян — вратами во все миры. Его свет переливался всеми цветами: от ослепительно-белого до глубокого, бархатно-чёрного. Он ждал. Он знал, куда мне нужно.

— Начинать нужно с высших миров, — прошептала я. — С Прави. Там, где обитают боги света и мудрецы, что знают начала всех начал. Если я хочу узнать, кем была до начала

времен, — ответ там. В глубине света, а не во тьме.

Я сжала посох, поправила плащ и шагнула в портал, думая о Прави — о её дальних, высочайших чертогах, о мире творцов и мудрецов, что видят все судьбы сразу. Лим скользнул за мной. Свет поглотил нас, и болото исчезло.

Портал сомкнулся за нашими спинами, но не закрылся. Он остался стоять над чёрной водой — живой, дышащий, готовый принять нас обратно. А впереди, в золотистом сиянии, уже проступали очертания нового мира. Высочайшего из высших. Сатья-лока. Обитель творца.

Я шагнула вперёд — и свет принял меня.

Глава 2. Сатья-лока :

Обитель истины

Я шагнула в портал, и свет поглотил меня.

Это было не то сияние, что я видела в Прави, когда шла к Перуну. Тот свет был грозovým, серебряным, пронизанным молниями и дыханием бури. Здесь же свет был иным — ровным, глубоким, как сама вечность. Он не ослеплял, не давил, не требовал. Он просто был. И я в нём — плыла, теряя ощущение тела, времени, направления. Лим держался рядом, и его холод здесь стал почти незаметным — не исчез, а словно растворился в этом бесконечном сиянии, как капля чернил в океане молока.

А потом свет обрёл форму. Яркая вспышка — и мои ноги коснулись твёрдой поверхности.

Я стояла на земле, но это была не та земля, к которой я привыкла. Под ногами расстилалась поверхность, похожая на полированный перламутр, — гладкая, тёплая, чуть пружинящая при каждом шаге. От неё исходило мягкое, золотистое свечение, словно сам пол был соткан из уплотнённо-

го света. Я подняла голову и замерла, не в силах вымолвить ни слова.

Сатья-лока.

Мир Истины. Высочайшая из всех лок материального мироздания, обитель Брахмы, творца этой вселенной. Я читала о ней в старых трактатах, слышала обрывки сказаний, но ничто не могло подготовить меня к тому, что я увидела.

Небо надо мной не было небом в привычном смысле. Оно представляло собой бесконечную, переливающуюся сферу, сотканную из всех оттенков золотого, розового и нежно-голубого. По нему плыли не облака — сияющие острова, на которых росли деревья с кронами из света. С них свисали плоды, похожие на звёзды, и время от времени какой-нибудь плод срывался и улетал ввысь, оставляя за собой мерцающий след. Воздух был напоён ароматом, который невозможно описать словами: смесь сандала, жасмина, шафрана и чего-то ещё — древнего, как само творение.

А цветы. Здесь повсюду цвели лотосы. Огромные, размером с колесо телеги, они возвышались на тонких, но прочных стеблях. Их лепестки переливались перламутром и золотом, и из сердцевины каждого цветка струился тонкий, светящийся ручеек божественной энергии. Эти ручейки слива-

лись в реки света, что текли по всей Сатья-локе, огибая холмы и рощи. Я опустилась на колени у одного из лотосов и зачерпнула ладонью эту светящуюся субстанцию. Она была прохладной и тёплой одновременно, и от одного прикосновения к ней по телу разлилось ощущение глубокого, неземного покоя.

Лим скользнул ближе и тоже коснулся света. Его форма на миг стала ярче, золотистые искры вспыхнули с новой силой. Здесь, в этом мире, он чувствовал себя иначе — не чужим, а почти дома.

Мы пошли вперёд. Тропа сама стелилась под ноги, выводя нас к центру этого мира, туда, где, согласно всем описаниям, находился великий дворец Творца Брахмы.

Чем дальше мы шли, тем больше я поражалась этому месту. Здесь не было времени в нашем понимании. Я не могла сказать, сколько мы идём — минуту, час, вечность? Солнце здесь не вставало и не садилось — свет был везде и всегда, ровный, немеркнувший. Позже я узнала, что в Сатья-локе нет смены дня и ночи, нет времён года, нет старения и увядания. Всё здесь пребывает в состоянии вечного расцвета, и даже кали-юга, век тьмы и деградации, не проникает в эти высшие сферы.

По берегам световых рек росли деревья — не серебристые, как на Буяне, а золотые, с листьями, что звенели на ветру, как тысячи крошечных колокольчиков. В их кронах порхали птицы с оперением всех цветов радуги, и их пение сливалось в стройную, торжественную мелодию. Я заметила, что мелодия эта не случайна — она звучала в унисон с чем-то, что я чувствовала, но не могла назвать. Позже я поняла: птицы пели гимны Вед. Те самые древние гимны, что были произнесены при сотворении мира и до сих пор хранятся в этом месте как сама суть реальности.

На холмах, поросших светящимся мхом, сидели фигуры. Не люди — мудрецы. Великие риши и йоги, завершившие свой путь в материальном мире и достигшие этой высшей обители. Я узнавала их по описаниям из старых книг: длинные бороды, тела, источающие сияние, белые одежды или просто набедренные повязки. Некоторые сидели в глубокой медитации, и вокруг них клубилась видимая глазу энергия — золотая, пульсирующая. Другие прогуливались по берегам световых рек, беседуя о природе реальности.

Один из мудрецов подошёл ко мне. Он был высок, худ, но не истощён — скорее, соткан из света, лишь напоминающего телом человеческое. Его глаза смотрели сквозь меня, в самую суть, и от этого взгляда все мои мысли на миг затихли.

— Ты — та, кто возвращается, — произнёс он на языке, которого я никогда не учила, но почему-то понимала каждое слово. Голос его был как шум далёкого океана и тишина горной вершины одновременно. — Та, кого зовут Марьяной. Ты прошла долгий путь, чтобы задать вопрос. Но здесь ты найдёшь лишь часть ответа. Идём.

Он повёл нас к великому дворцу Творца Брахмы.

Дворец Брахмы вырос перед нами внезапно — хотя, возможно, он был виден издалека, просто мой разум не мог его охватить. Огромный, величественный, сотканный из того же золотистого света, что и весь этот мир. Его стены были украшены барельефами, изображавшими сотворение вселенной: как из пупка Вишну вырастает лотос, как из лотоса рождается Брахма, как он творит миры, богов и существ. Эти изображения не были статичными — они двигались, жили, дышали, и я могла наблюдать творение в реальном времени.

Внутри дворца, в огромном зале, на возвышении из тысяч лотосов, восседал Он. Господь Брахма. Творец материального мира.

Я видела богов. Перуна — грозного и могучего. Морену — прекрасную и ужасную. Но Брахма был иным. Его нельзя было назвать ни прекрасным, ни ужасным — он был вне

этих понятий. У него было четыре головы, каждая обращена в свою сторону света, и с каждой уст сходили гимны Вед — четыре Веды, по одной на каждую голову. Кожа его отливала золотом, а глаза были глубоки, как само мироздание. В руках он держал предметы: сосуд с водой, чётки, книгу и лотос. Каждый предмет символизировал аспект творения — воду жизни, циклы времени, знание и чистоту.

Рядом с ним сидела Сарасвати. Его супруга. Богиня знания, мудрости, искусств, речи и музыки. Она была прекрасна той неземной красотой, что вызывает благоговение. Кожа её сияла белизной, как только что выпавший снег, одежды были белоснежными, с золотой каймой. В руках она держала вину — струнный инструмент, чьи звуки, как говорят, порождают саму музыку сфер. Её глаза, тёмные и спокойные, смотрели на меня с пониманием, и в них я увидела отражение всех знаний, что когда-либо существовали.

Мудрец, приведший меня, отступил. Я стояла перед творцом и его супругой, чувствуя себя крошечной песчинкой в океане вечности. Но страха не было. Только трепет. И решимость.

Лим замер за моим плечом, и даже его холод, казалось, затаил дыхание.

— Марьяна, — произнёс Брахма, и его голос был как звук всех четырёх Вед, слившихся в единый гимн. — Ты пришла в Сатья-локу, чтобы спросить: кто ты? Кем была до начала времён? Почему переходишь из жизни в жизнь?

— Да, — ответила я, и голос мой прозвучал тише, чем я хотела. — Древние духи в Нижней Нави сказали, что я живу не первую жизнь. Русалка узнала меня. Кот Баюн знает моё имя, но не называет. Боги Прави помнят — но молчат. Ты — творец этого мира. Ты должен знать.

Брахма посмотрел на меня всеми четырьмя головами одновременно, и в его глазах была вечность. Потом он перевёл взгляд на Сарасвати, и богиня едва заметно кивнула.

— Я знаю, кто ты, — сказал Брахма. — Я был при начале твоего пути. Я видел, как всё началось. Но знание, которое ты ищешь, не может быть дано. Оно должно быть обретено.

— Почему? — спросила я, и в моём голосе прозвучала боль. — Почему никто не может просто сказать мне? Почему я должна блуждать в темноте?

Сарасвати заговорила впервые. Её голос был как музыка — нежная, но проникающая в самую душу:

— Потому что знание, полученное без пути, — не знание, а информация. Ты можешь услышать слова: «Ты была тем-то». Но что они изменяют? Чтобы истинно вспомнить, ты должна пройти путь. Весь путь. И начинать ты должна не со света, дитя. Ты должна начать с корня. С самой глубокой тьмы. Там, где была потеряна первая частица тебя. Ступай в самые нижние миры и, понимая тьму, шаг за шагом поднимайся к свету. Только так ты станешь целой.

— Твоя память расколота, — продолжил Брахма. — Осколки лежат в самых тёмных уголках творения. Ты спустишься в самые глубокие из семи низших миров. От Паталы, мира первозданного хаоса, до Аталы, мира чувственных наслаждений. В каждом мире ты должна будешь найти и помочь душе, что запуталась во тьме. И каждая спасённая душа — это ключ к твоей собственной памяти. А когда пройдёшь их все — вернёшься в Срединный мир, а затем начнёшь восхождение через высшие локи, пока не вернёшься сюда, к Истине.

Я слушала, и внутри всё холодело. Нижние миры. Я видела лишь краешек Нави. Чёрная Топь, где я получила посвящение, — это был лишь верхний слой. А ниже лежали миры, о которых я только слышала в сказках, и все эти сказки были страшными.

Брахма смотрел на меня, и я чувствовала, что его слова — не приговор. Это был выбор. Он ждал.

— Ты можешь отказаться, — сказала Сарасвати мягко. — Никто не принуждает тебя. Ты уже сделала больше, чем многие. Спасла Буян, изменила Морену, заслужила покой. Ты можешь вернуться домой, на болото, и жить в мире. Это не будет поражением. Это будет выбором.

— Но если я выберу покой — прошептала я.

— Ты никогда не узнаешь, — подтвердил Брахма. — В этой жизни — никогда. Может быть, в следующей. А может, и через тысячу жизней. Но ты всегда будешь чувствовать, что чего-то недостаёт.

На несколько долгих мгновений я закрыла глаза. Передо мной пронеслись лица. Кузя с его уголёчком. Кочемар, ворчащий на болоте. Велес, молча благословляющий. Яга с лукавой улыбкой. Кощей, научившийся смеяться. Морена, ставшая иной. И Лим — моя верная тень, что идёт со мной из жизни в жизнь. Все они сделали свой выбор. Все они изменились. И я тоже должна. Я открыла глаза.

— Я пройду их. Все четырнадцать. От самого низа до высшего света. Я узнаю, кто я.

Брахма кивнул. В его глазах не было ни одобрения, ни осуждения — лишь принятие моего решения. Но затем он поднял руку, и его голос стал строже.

— Это похвально. Но я должен предупредить тебя, Марьяна. Ты — смертная. Твоя душа сильна, твоя воля крепка, а тень твоя — верный страж. Но низшие миры — не то, что ты видела прежде. Там, в глубине, правят не просто духи. Там правят демоны, древние, как само творение. Там сама реальность подчиняется жестокости и страданию. Твоей смертной силы и одного лишь твоего спутника, — он перевёл взгляд на Лима, — может не хватить. В одиночку ты не пройдёшь.

Слова повисли в воздухе тяжёлым грузом, и я почувствовала, как Лим за моим плечом стал плотнее.

— Ты должна взять с собой проводников, — продолжила Сарасвати. — Бессмертных. Тех, кто знает законы тех миров не понаслышке. Кто не побоится спуститься в бездну вместе с тобой. Только с их защитой и знанием ты сможешь пройти этот путь до конца и вернуться.

— Но кто согласится? — выдохнула я, хотя в глубине души уже знала ответ.

— Ты знаешь ответ, — произнёс Брахма. — Ты уже изменила их. Теперь они помогут тебе. Иди, поговори с ними. А когда будешь готова — портал, что ты открыла, приведёт тебя туда, куда нужно.

Сарасвати подняла руку в благословляющем жесте, и по залу разлилась музыка — та самая, что звучит в основе всего сущего.

— Иди с миром, Марьяна. И помни: ты не странница без цели. Ты — возвращающаяся домой. Просто дом твой дальше, чем ты думаешь.

Я поклонилась — низко, как кланялась всем, кто заслужил моё уважение. Потом повернулась и пошла к выходу. Лим скользнул за мной, и его холод снова стал ощутимым.

Мудрец, что привёл меня, ждал у входа. Он проводил меня до того места, где портал вновь открылся — золотисто-зелёный проём посреди вечного света Сатья-локи. Я в последний раз оглянулась на дворец Брахмы, на сияющие лотосы и золотые деревья, и шагнула обратно.

Болото встретило меня привычной сыростью и запахом ряски. Портал мерцал над чёрной водой, как всегда — жи-

вой, дышащий. Солнце клонилось к закату, окрашивая небо в серые и бледно-розовые тона. На балконе горел свет.

Кузя выскочил навстречу, едва я переступила порог квартиры. Его глаза-бусинки расширились от тревоги и радости одновременно.

— Марьянка! Ну наконец-то! Я уж думал я уж всего передумал! Ты где была-то? На тебе лица нет!

— Я была в Сатья-локе, Кузя, — ответила я, опускаясь на табурет. — Говорила с творцом.

Он замер с полотенцем в лапках.

— С самим с самим Брахмой? — выдохнул он. — И что? Он сказал тебе? Ты узнала?

— Не всё, — я сняла с шеи Сердце Вечной Ночи и положила на стол. — Он сказал, что я должна пройти через все миры. Четырнадцать лок. И начать с самого низа. С самых страшных глубин.

Кузя побледнел. Потом вдруг нахмурился, и я увидела, как в его глазах загорается решимость.

— Значит, пойдём, — сказал он твёрдо. — Я с тобой. У меня уголёк есть.

— Нет, Кузя, — я покачала головой. — Ты нужен здесь. Портал хранить, за болотом приглядывать, Кочемара кормить. А я я должна попросить помощи у тех, кто знает тьму. У Кощея. У Морены. Они бессмертные. Они смогут.

Кузя долго молчал, прижимая уголёк к груди. Потом кивнул — неохотно, но с пониманием.

— Тогда завтра — на Буян, — сказал он. — А сегодня — спать. И чай. Ты пила чай? Нет? Ну вот, я так и знал!

Он снова засуетился, загремел кружками, и от этого знакомого звука на душе стало чуть теплее. Я вышла на балкон. Лим лёг у моих ног. Снизу донеслось знакомое бульканье — Кочемар поднимался из трясины, словно чувствовал, что я вернулась. А у старого дуба сгустился воздух, и запахло корой и папоротником — Велес тоже был здесь. Молча, как всегда. Просто стоял и ждал.

Я смотрела на болото, на мерцающий портал, на звёзды, что зажигались над головой. Путь определён. Он будет трудным. Но я не одна. Завтра я пойду на Буян и попрошу друзей спуститься со мной в бездну. А сегодня — тишина. Покой.

И мой дом, что всегда ждёт меня обратно.

Глава 3. Совет на Буяне

Утро на болоте выдалось тихим и ясным. Солнце только поднялось над лесом, разгоняя остатки тумана, и чёрная вода блестела, как полированное зеркало. Я проснулась рано, ещё до того, как Кузя начал греметь чашками на кухне. Впрочем, Кузи дома не было — он с вечера ушёл на Буян помогать Печуру с какой-то новой печной затеей. На столе лежала записка, придавленная кружкой: «Марьянка, я на остров. Вернусь с пирожками. Не скучай. Кузя». Я улыбнулась, прочитав её, и машинально коснулась Сердца Вечной Ночи на груди. Оно пульсировало ровно, спокойно, словно тоже только что проснулось.

Лим скользнул из своего угла и замер у плеча — собранный, плотный, с яркими золотыми искрами в глубине. Он знал: сегодня важный день. Сегодня я иду на Буян просить помощи у тех, кто стал мне семьёй. Не для битвы, не для защиты острова — для пути, с которого можно не вернуться. Я надела плащ, подхватила посох и вышла на балкон. Портал мерцал над болотом, как всегда, но теперь его свет казался мне не просто красивым — он был зовом. Туда, где собираются друзья, чтобы проводить меня в долгий путь.

Поляна у Алатыря встретила меня теплом и светом. Буйан цвёл. Серебристые деревья поднялись выше, их кроны сомкнулись над головой, создавая узорчатый полог. Новое Древо, что выросло из моего жёлудя, тянулось к небу, и его листья шелестели на ветру, словно переговариваясь с самим Алатырём. Синие прожилки на камне мерцали в такт моему сердцу — остров знал, что я здесь, и приветствовал меня.

Но сегодня на поляне было необычно. Не пир, не битва — собрание. Все, кого я знала и любила на Буяне, собрались у Алатыря. Яга сидела на замшелом валуне, завернувшись в пуховый платок, что подарил ей Кузя, и её молодая, но мудрая улыбка встретила меня первой. Леший стоял рядом, опираясь на витую ольху, и его зелёные глаза мерцали спокойно и внимательно. Печур, не в силах усидеть на месте, переминался с лапки на лапку у своей походной печи, которую он, кажется, специально притащил на поляну ради такого случая. Кузя уже хлопотал рядом с ним, разливая что-то горячее по кружкам. Кощей, теперь навсегда Серебряный Страж, сидел чуть поодаль, на поваленном стволе, и его серебряные волосы блестели в утреннем свете. Он улыбнулся мне — той самой новой, живой улыбкой, что я впервые увидела, когда он перестал быть пленником.

И Морена. Она стояла у края поляны, прямая и бледная, как лунный луч. Её серебряные волосы струились по плечам, а белые одежды, расшитые инеем, мягко светились в тени деревьев. С тех пор как она осталась на Буяне провожать души с миром, её холод перестал быть враждебным. Теперь от неё веяло покоем — глубоким, как зимняя ночь, но уже не мёртвым. Она встретила мой взгляд и едва заметно кивнула.

— Ну, здравствуй, Марьяна, — произнесла Яга, первой нарушая тишину. — Мы знаем, зачем ты здесь. Кузя нам всё рассказал. Четырнадцать миров. Путь с самого низа.

— Да, — ответила я, обводя их взглядом. — Брахма сказал, что я должна пройти их все. От Паталы до Сатья-локи. Но одной смертной там не справиться. Мне нужны проводники. Те, кто знает тьму. Те, кто не побоится спуститься в бездну вместе со мной.

Повисло молчание. Не тяжёлое — задумчивое. Яга постукала клюкой по земле, и из-под замшелого валуна, где она сидела, выбежал маленький светящийся жучок.

— Я тебе вот что скажу, Марьяна, — начала она. — Нижние миры — это не сказки. Не те, что я рассказываю у печи долгими вечерами, а те, от которых даже у меня, старой, кровь стынет. Патала — мир первозданного хаоса, где души

теряют себя навсегда. Расатала — мир жестокости, где правит страх. Махатала — царство безумия. Там, внизу, даже привычные законы реальности гнутся. Ты должна быть готова не только к битвам, но и к тому, что сам воздух там будет против тебя.

Она порылась в складках сарафана и достала оттуда маленький, тёмный пузырёк, заткнутый серебряной пробкой.

— Вот, держи. Это настой сон-травы и корня мандрагоры — выпьешь, если страшно станет до смерти. Не уснёшь, но покой вернётся. Только раз сработает, так что не трать попусту.

Я приняла пузырёк, тёплый от её рук, и спрятала за пазуху. Леший шагнул вперёд и протянул мне маленький, гладкий камешек — серый, с зелёной прожилкой. От него пахло лесом, мхом и глубиной корней.

— Это оберег от моего первого дерева, — прогудел он. — В нижних мирах лесов нет. Там только камень, пепел и иллюзия. Но этот камень будет помнить. Если совсем потеряешься — сожми его в руке и вспомни запах моего леса. Он выведет к свету.

Я взяла камешек, и он лёг в ладонь, как живой, тёплый и

мягкий, несмотря на каменную твёрдость.

Печур, переминавшийся с лапки на лапку, вдруг решительно затушил огонь в печи и, подойдя ко мне, извлёк из самой глубины поддувала крошечный уголёк.

— Это тебе, — сказал он, и в его дымном голосе звучала тревога. — Не для тепла, не для готовки. Он связан с моим огнём здесь, на Буяне. Если будет совсем плохо, если тьма прижмёт так, что ни вздохнуть, ни крикнуть, — раздави его. Я почувствую и пришлю тепло. Может, оно дотянется даже до самых глубоких нор.

Я обняла его — осторожно, чтобы не потушить дымную бороду. Печур смущённо засопел, но не отстранился.

Светлояра подошла неслышно, как всегда. В руках она держала маленький хрустальный флакон, внутри которого переливалась вода — не простая, а живая, серебрящаяся, как лунный свет.

— Живая вода моего озера, — сказала она своим журчащим голосом. — Я уже давала её для раненых после битвы, но эта — особенная. Её три глотка. Первый — исцелит раны. Второй — вернёт силы, когда их совсем не останется. Третий третий — только в миг самой глубокой тьмы. Когда

потеряешь всё. Он напомним тебе, кто ты.

Я приняла флакон и поклонилась ей. Светлояра улыбнулась и отступила обратно к своему озеру.

Кузя, всё это время молчавший, подошёл ко мне, и я увидела, что его глаза-бусинки полны слёз. Он прижимал к груди уголёк, который ему подарил Печур, — тот самый, с оранжевой искоркой внутри.

— Я тебе с собой пирожков собрал, — сказал он дрожащим голосом. — И сушёных ягод. И чистые носки. И вот — Он протянул мне лапку, в которой держал крошечную деревянную фигурку — человечка с посохом. — Это я сам вырезал. Почти сам. Немного Велес помогал. Пусть с тобой будет. На удачу.

Я опустилась на колени и обняла его. Он уткнулся лицом в мой плащ, и его плечи вздрагивали. Я ничего не говорила — слов было не нужно. Потом он решительно вытер слёзы, шмыгнув носом и вернулся к Печуру. Два маленьких духа-хранителя встали рядом, как два часовых у невидимого порога.

Последним подошёл Кощей. Серебряный Страж. Его посох из белого дерева мягко светился, а волосы, заплетённые

в низкий хвост, блестели, как первый иней. Он долго смотрел на меня, и в его золотых глазах я видела все прожитые им тысячелетия.

— Когда-то я сам хотел спуститься в нижние миры, — сказал он тихо. — Чтобы найти там забвение. Не от бессмертия — от себя. Я не пошёл. Струсил. А ты идёшь. Не потому, что не боишься, а потому, что не можешь иначе. Это и есть храбрость.

Он протянул мне кольцо. Простое, серебряное, без камней, без узоров. Но когда я взяла его в ладонь, то почувствовала, что оно тяжёлое — не весом, а смыслом.

— Это моя благодарность, — пояснил он. — Не за свободу от бессмертия — ты дала мне больше. Ты дала мне возможность жить. Если когда-нибудь в нижних мирах тебе понадобится моя сила — просто поверни это кольцо и позови. Я приду. Даже туда, куда не ходят боги.

Я надела кольцо на палец. Оно село идеально, будто ждало меня.

И тогда вперёд вышла Морена.

Все замолчали. Даже ветер стих. Она шла медленно, и под

её босыми ступнями трава не иневела — она просто пригibasась, словно в поклоне, а потом распрямлялась снова, живая и зелёная. Её глаза смотрели на меня, и я видела в них то, чего не видела раньше. Решимость. Не холодную, не отстранённую — горячую, почти человеческую.

— Я пойду с тобой, — сказала она. — Я знаю нижние миры. Я знаю их боль, их ярость, их отчаяние. Я сама была частью этого, и я помню дорогу.

Она обвела взглядом собравшихся.

— Я пойду с ней в Паталу. В самый нижний, самый страшный мир. Никто из вас не хочет туда идти, и я понимаю почему. Но я пойду. Потому что я должна. Потому что она показала мне, что можно быть иной. И теперь мой черёд показать ей путь через тьму.

Тишина стояла такая, что я слышала, как бьётся моё сердце. И Сердце Вечной Ночи на груди вторило ему. Яга медленно кивнула — с уважением. Леший склонил голову. Кошечей встал и поклонился Морене — впервые, быть может, за всю историю.

Потом все заговорили разом: давали последние советы, передавали поклоны, обещали ждать. А я стояла рядом с

Мореной и чувствовала, как внутри разливается спокойная, уверенная сила. Мы пойдём вдвоём. Вернее, втроём — Лим, моя Тень Жизни, уже скользнул за плечо, готовый к пути. Мы спустимся туда, где свет никогда не рождался, чтобы помочь первой душе и найти первый осколок моей памяти.

Впереди была Патала. И мы были готовы.

Глава 4. Патала: Владыки нагов

Врата в Паталу открылись не сразу. Портал, что висел над болотом, дрожал и мерцал, словно нехотя пропуская нас в самую глубокую из бездн. Я смотрела на Морену, стоявшую рядом со мной.

— Ты готова? — спросила она.

Я сжала посох, поправила Сердце Вечной Ночи на груди и кивнула. Лим скользнул за плечом, его холод стал плотнее. Морена шагнула первой, и портал сомкнулся за ней. Я — следом. Мы погрузились во тьму, которая не была просто отсутствием света. Это была тьма древняя, осязаемая, давящая. Она обволакивала, тянула вниз, шептала на языке, которого я не знала, но чувствовала каждой клеткой.

А потом тьма расступилась. Мы стояли в пещере. Не в той, что можно найти в лесу или под горой в Яви, — в пещере, сотворённой воображением существ, для которых свет был чужд. Своды уходили в бесконечность, теряясь в багровом мареве. Стены покрывали драгоценные камни — не те, что сверкают на солнце, а те, что светятся изнутри холод-

ным, мертвенным светом. Сапфиры, рубины, изумруды. Они освещали этот мир ровным, призрачным сиянием, и от этого сияния было холоднее, чем от самой глубокой тьмы.

— Патала, — голос Морены упал до шёпота. — Царство нагов. Самый нижний из миров. Здесь правят не духи, не боги. Здесь правят змеи.

Я огляделась. Воздух был густым, влажным, пахнущим мускусом и древностью. Где-то далеко, в глубине пещер, слышался шорох — мерный, скользящий. Тени на стенах двигались, извивались, сплетались в клубки и снова распались.

Мы пошли вперёд. Дорога сама вела нас — лабиринт, выложенный чёрным мрамором с прожилками, что светились алым. Вдоль дороги стояли статуи — не людей, не духов. Огромные каменные наги с капюшонами, раздутыми в вечной угрозе, с глазами из тёмных рубинов. Они казались живыми, и от их взглядов по спине бежали мурашки. Тропа спускалась всё ниже, и вскоре мы вышли на огромную площадь, высеченную в самом сердце подземного мира. Здесь, среди колонн из чёрного камня, кишела жизнь: наги всех размеров, от крошечных змеек, что мерцали в трещинах камней, до гигантов, чьи тела терялись в темноте. Все они двигались, говорили на своём языке, и их речь была похожа

на шелест тысяч змеиных чешуек.

В центре площади возвышался дворец. Не построенный — выращенный. Сотканный из чёрного перламутра, он напоминал гигантский змеиный клубок, застывший в камне. Его башни изгибались, как стебли ядовитых растений, а в центре сиял огромный рубин — глаз, что смотрел на каждого входящего.

— Тронный зал, — сказала Морена. — Там восседает Васуки, царь нагов. Ты должна просить аудиенции.

— Просить? — переспросила я. — Разве мы не можем просто найти душу и уйти?

— В Патале ничто не происходит без воли царя, — она посмотрела на меня долгим взглядом. — Душа, что ты ищешь, заперта. Не в пещере, не в кандалах. Она в сокровищнице Васуки. Он коллекционирует души, как смертные коллекционируют камни. Только его сокровища живы. И они страдают.

Я сглотнула. Лим за моей спиной стал острее. Я сжала посох, поправила Сердце на груди и шагнула к воротам дворца.

Внутри было ещё темнее. Своды терялись в высоте, и

лишь призрачный свет драгоценных камней освещал дорогу. Стены были покрыты барельефами — изображениями битв, где наги сражались с демонами, с богами, друг с другом. Каждое изображение дышало жестокостью. Не той, что рождается из ненависти, а той, что является самой природой этого мира.

Тронный зал был огромен. Пол устилали ковры из змеиной чешуи, переливающиеся всеми оттенками тьмы. Вдоль стен громоздились горы сокровищ — золото, жемчуг, драгоценные камни, оружие неведомых войн. И среди этих сокровищ лежали они — души. Запертые в драгоценных камнях, как насекомые в янтаре. Их лица были искажены безмолвным криком, руки тянулись к невидимой свободе, но камень держал их мёртвой хваткой. Вечно.

На возвышении, на троне, восседал Васуки. Он был огромен. Его тело, покрытое чешуёй цвета угля, сворачивалось кольцами вокруг трона. Каждый мускул под этой чешуёй был напряжён, готовый в любой миг развернуться и ударить. Капюшон его был раздут, и на нём алым пульсировал костяной гребень — корона царя. Глаза — два огненных провала — уставились на меня, и под этим взглядом я почувствовала себя крошечной, как песчинка. Рядом с тронном, словно изваяние, покоилось кольцо. Не статуя. Другой наг. Он был столь же огромен, но его чешуя отливала спокойным сапфи-

ровым синим. Он не смотрел на меня — его глаза были полуприкрыты, словно он созерцал нечто, недоступное никому из присутствующих.

Васуки заговорил, и его голос был как скрежет камней под землёй:

— Смертная. Ты смеешь войти в мои чертоги. В Паталу. В царство, откуда нет выхода.

Я выпрямилась.

— Я — Марьяна, ведунья, Страж Порога, Хранительница Буяна. И я пришла за душой, что ты держишь в своей сокровищнице.

Васуки склонил голову набок, и его капюшон зашелестел.

— Ты дерзкая. Мне это нравится. Но души в моей коллекции не отдают просто так. Я предлагаю сделку. Я отдам тебе душу, которую ты ищешь, если ты отгадаешь мою загадку. Одну. Всего одну. Но если ты ошибёшься — твоя душа и душа твоей спутницы, — он перевёл взгляд на Морену, — останутся здесь. Навсегда. Как часть моей коллекции.

Морена не шелохнулась. Я сглотнула. Лим за моей спиной

сжался в ледяной ком. Я подняла голову.

— Я слушаю.

Васуки усмехнулся. Его чешуя зашелестела, и по залу пронёсся ветер, пахнувший ядом и древностью.

— Что есть такое, — произнёс он, — что рождается в свете, живёт во тьме, связывает миры, а умирая, становится сильнее?

Тишина повисла в зале. Вопрос, казалось, отражался от стен, от колонн, от лиц душ, запертых в драгоценностях. Я знала, что ответ на поверхности. Мост? Нет. Связующее звено, которое становится сильнее именно тогда, когда перестаёт существовать. То, что рождается, когда смертная душа уходит за грань, но оставляет после себя нечто большее, чем память. Память. То, что не умирает, а лишь крепнет, когда её носитель уходит.

— Память, — сказала я.

Васуки замер. Его глаза вспыхнули — не гневом, а удивлением. По залу пронёсся ропот. Наги, что стояли вдоль стен, зашевелились. Царь склонил голову набок, и его капюшон зашелестел, как крылья тысячи бабочек.

— Ты ответила правильно, — произнёс он, и в его голосе прозвучало что-то новое. Не уважение. Скорее, любопытство. — Но не это главное. Главное — я вижу тебя. Я вижу твою душу. Ты — не просто смертная. Ты — та, кто возвращается. Я помню тебя.

Я замерла. Сердце на груди запульсировало чаще.

— Ты уже бывала здесь, — продолжил Васуки. — Давно. Тогда ты была другой. Но твоя суть — та же. Ты пыталась пройти через Паталу, но не смогла. Тебя остановили. Не я. Мой брат.

Он перевёл взгляд на второго нага — того, что покоился у трона. Сапфировый змей медленно открыл глаза, и я почувствовала этот взгляд — не жгучий, не давящий. Спокойный, глубокий, как вечность.

— Ананта-Шеша, — прошептала я. Имя само сорвалось с губ, словно я знала его всегда.

Шеша заговорил. Его голос был как шум океана в раковине — тихий, но наполняющий всё вокруг.

— Я помню тебя, Марьяна. Ты была здесь в начале твое-

го пути. Ты спросила меня тогда: «Как мне вспомнить, кто я?». Я ответил: «Ты узнаешь, когда пройдёшь все миры». Ты плакала. Но ты пошла. И ты возвращаешься снова и снова, жизнь за жизнью. Ты сильнее, чем думаешь.

Васуки встал с трона. Его тело развернулось, заполнив собой ползала. Он склонился надо мной, и его огненные глаза оказались вровень с моими.

— Ты нравишься мне, смертная, — пророкотал он. — Ты честна. Ты не боишься. Ты помнишь моего брата, а он помнит тебя. Поэтому я отдам тебе больше, чем ты просишь.

Он указал на стену сокровищ. Один из драгоценных камней, большой рубин, что пульсировал изнутри, треснул. И разлетелся осколками. Из него выплыла душа. Женщина. Старая, измождённая, но с глазами, в которых теплилась жизнь. Она парила в воздухе, оглядываясь, и на её лице проступало воспоминание.

— Эта душа, — сказал Васуки, — принадлежала той, кто когда-то помогла тебе. В твоей самой первой жизни. Она была твоей сестрой. Не по крови — по духу. Она пожертвовала собой, чтобы ты могла идти дальше. И с тех пор она заперта здесь. Забирай её.

Я смотрела на женщину, и память — не этой жизни, а другой, древней — нахлынула, как волна. Так вот что имели в виду древние духи, когда говорили, что я совершила нечто, изменившее всё. Я пыталась спасти тех, кого любила, и в этом была моя сила. И моя трагедия.

— Спасибо, — прошептала я.

Васуки усмехнулся.

— Не благодари. Ты заплатила своей дерзостью. А теперь ступай, пока я не передумал.

Но когда мы повернулись, чтобы уйти, тьма сгустилась. Не по воле Васуки — сама Патала, казалось, не хотела отпускать душу, что была её пленницей тысячи лет. Из стен, из пола, из самого воздуха полезли щупальца тьмы, окутывая выход. Душа задрожала, начала гаснуть. Морена вскинула руки, и ледяная стена отделила нас от тьмы, но та пробивала её. Лим бил холодом, разрезая щупальца, но тьма срасталась снова. Я сжимала посох, а душа угасала на глазах, и я понимала: если она погаснет сейчас, то исчезнет навсегда, и я потеряю не просто спасённую — я потеряю часть памяти.

Тогда я сняла с пояса флакон. Живая вода Светлояры. Я открыла его и, не колеблясь, вылила на душу. Не на себя —

на неё. Вода засияла, и душа вспыхнула светом — не ярким, но чистым. Тьма отпрянула. И в этот миг, когда я думала, что всё кончено, Васуки взревел. Не от ярости — от удивления. Я обернулась и увидела, как Шеша, тот самый древний змей, что веками пребывал в созерцании, поднял голову. Он не сражался. Он просто посмотрел на тьму, и тьма расступилась. Васуки встретился взглядом с братом, и в этом взгляде была безмолвная беседа, длиной в вечность. Царь нагов опустил голову — проход был свободен.

Мы бежали. Через лабиринты Паталы, через пещеры и пропасти, и душа, которую я держала за руку, становилась всё ярче. Наконец портал — золотисто-зелёный, живой — засиял перед нами, и мы вывалились на болото. Я лежала на мокрой траве, глядя в родное, серое небо. Рядом дышала Морена, впервые за долгое время уставшая. Лим медленно восстанавливал форму. А душа — та, что была моей сестрой в самой первой жизни, — парила над нами, и её свет был мягким, как рассвет.

— Я помню тебя, — прошептала я.

— И я тебя, — ответила она.

Я поднялась, и Кузя уже бежал к нам от дома, крича что-то про чай и пирожки. Кочемар булькал из болота, а у дуба

стоял Велес. Я была дома. Первая душа была спасена. Первый осколок памяти — найден. Впереди были ещё миры, но теперь я знала — я на верном пути.

Глава 5. Расатала: Мир демонов

Мы вернулись на болото, израненные, но не сломленные. Тишина родного дома, запах трав и сырой земли, заботливая суета Кузи — всё это казалось нереальным после чёрных лабиринтов Паталы и бездонных глаз Ананта-Шеши. Я сидела на крыльце, всё ещё ощущая на плечах тяжесть того мира, а перед глазами стояла освобождённая душа — моя первая сестра. Внутри меня что-то сдвинулось. Первый осколок памяти встал на место, но это лишь разбредило старую рану, напомнив, как много ещё скрыто во тьме.

Морена стояла у кромки болота, прямая, как клинок. Но я научилась видеть то, что скрыто за её ледяным спокойствием. Она исчерпала себя. Её серебряные волосы потускнели, а белые одежды, расшитые инеем, казались теперь просто тканью — не божественной, а усталой. Она прошла со мной через ад, который был ей знаком, но оттого не стал менее болезненным. Она отдала долг, который сама себе назначила.

— Я не могу идти с тобой дальше, Марьяна, — произнесла она, не оборачиваясь. Её голос звучал глухо, но в нём не было сожаления. — Патала выпила меня. Следующие миры потребуют другой силы. Другого проводника.

— Ты и так сделала больше, чем я могла просить, — ответила я. — Ты вытащила меня из бездны. Ты помогла мне. Спасибо тебе.

Она обернулась, и в её глазах больше не было того пронизывающего холода, что пугал меня при первой встрече. Там был покой. Глубокий, как зимняя ночь, но уже не мёртвый.

— Я буду ждать тебя на Буяне. Мой путь теперь там, среди душ, ищущих покой. А ты ты знаешь, кто тебе нужен.

Я знала. Расатала — мир тирании, силы и угнетения. Мир, где правят не хитрость и хаос, а грубая, беспощадная власть. Туда не стоило идти с Мореной, чья сила — в вечности Смерти. Туда нужен был тот, кто знает, что такое быть запертым в собственной силе. Тот, кто выбрал из неё выйти.

Я сняла с пальца серебряное кольцо, подаренное Кошчем на прощальном совете на Буяне. Простой ободок без единого узора, но он был тяжёлым — не весом металла, а весом обещания. Я надела его снова, сжала кулак и позвала:

— Кошей. Серебряный Страж. Ты дал мне слово, что придёшь на зов. Я зову тебя. Спустишься со мной в Расаталу.

Мир вокруг дрогнул. Воздух на мгновение стал плотнее, запахло озоном, как перед грозой. Портал над болотом полыхнул ярче, и из его сияния, прямо на мокрую траву, шагнул он — уже не Бессмертный царь, а Страж.

Кощей стоял передо мной, и его серебряные волосы мягко светились в тусклом свете дня. Он был собран, спокоен, но в его золотых глазах горел тот самый новый, живой огонь, который я увидела, когда он впервые улыбнулся. В руках у него был посох из белого дерева, а на плечах — лёгкий плащ.

— Я слышал тебя, Марьяна, — произнёс он. — И я готов.

Лим, всё это время молча лежавший у моих ног, поднялся и скользнул ближе. Его золотистые искры вспыхнули ярче. Он знал — новая битва близко.

Врата в Расаталу не были похожи на змеиную пасть, как в Патале. Портал вынес нас в центр огромной арены, высеченной в чреве гигантской пещеры из чёрного железа. Небо здесь заменял каменный свод, с которого свисали цепи и крючья, раскалённые докрасна. Воздух был сухим и горячим, пах железной окалиной и застарелой кровью. Со всех сторон арену окружали трибуны, вырубленные прямо

в скальной породе, и на них, издавая низкий, вибрирующий гул, сидели бесчисленные демоны-дайты.

Это были гиганты с кожей цвета запёкшейся крови, мускулистые и грубые. Их мускулы бугрились под толстой шкурой, а глаза горели огнём жажды — вечной битвы, вечной власти. Они не были хаотичны, как наги. Они были организованы. Их жестокость была системой, их сила — единственным законом этого места. В воздухе висел непрерывный лязг — где-то в глубине пещер ковали оружие, и этот звук был пульсом Расаталы.

— Расатала, — тихо произнёс Кощей, и в его голосе мне почудились древние, забытые нотки. — Мир вечной войны. Я слышал о нём, но никогда не думал, что ступлю сюда. Мы должны найти того, кого ты ищешь. Быстро. Тишина здесь — преступление. Нас уже заметили.

Гул на трибунах усилился. Из самой большой ложи, украшенной костями и черепами, поднялся демон, который, казалось, был рождён из самого железа этого мира. Его тело покрывали шрамы — глубокие, перекрещивающиеся, как карта жестоких побед. В глазницах пылал такой свирепый огонь, что на него было почти больно смотреть. Он поднял руку, и сотни голосов мгновенно стихли.

— Чужаки в Расатале! — взревел он голосом, похожим на лязг оружия. — Смертная и предатель. Ты, — он указал когтистым пальцем на Кощея, — носишь в себе суть бессмертного, но выбрал служить смертной. Ты отрёкся от тьмы! Ты слаб!

Кощей даже не шелохнулся. Его голос, когда он заговорил, был полон ледяного спокойствия:

— Я не служу. Я иду рядом. И я не слаб. Я выбрал.

— Ты выбрал, — прошипел демон, и по трибунам пронёсся гул. — Что ж, тогда вот тебе закон Расаталы: выбор здесь доказывают в бою! Победишь — проси, что хочешь. Проиграешь — твои кости станут очередным трофеем в моей сокровищнице!

Я вышла вперёд, чувствуя, как холод внутри сжался в тугой узел. Я не боялась битвы, но понимала: их слишком много. Тонкая струйка холодного пота скользнула вдоль позвоночника.

— Мы пришли не за сражением, — громко сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Мы пришли за душой! Тот, кто отказался убивать, кто выбрал милосердие в мире жестокости. Где он?

На трибунах разразился хохот. Грубый, каркающий, от которого кровь стыла в жилах. Демон-правитель усмехнулся, обнажив два ряда зубов, похожих на ржавые гвозди.

— А, этот — почти ласково протянул он. — Ты ищешь предателя, который посмел ослушаться моего приказа? Он здесь. Он навечно прикован к арене, чтобы сражаться с каждым, кто пожелает, пока сама вечность не сотрёт его в пыль. Взгляни!

Он хлопнул в ладоши. Железные ворота в дальнем конце арены с грохотом распахнулись, и оттуда, пошатываясь, вышла фигура. Это был воин. Высокий, со славной выправкой, но его душа, его суть была стёрта почти до основания. Это была тень, сотканная из боли и усталости, сжимающая в призрачных руках призрачный меч. На войне не было доспехов — лишь грязная набедренная повязка и бесконечная сеть шрамов, покрывающих его тело. Он двигался механически, словно заводная кукла, но когда он поднял голову, я увидела в его провалах глаз не пустоту, а бесконечную, древнюю, как этот мир, тоску.

— Он не имеет имени! — прогремел демон. — Он — воин, который отказался убивать! Он предал закон силы, и теперь сила стала его проклятием! Убейте его, чужаки, и, мо-

жет быть, я позволю вам уйти. Или он убьёт вас. Мне всё равно. Это будет забавно!

Рёв толпы был ему ответом. Проклятый воин поднял меч и медленно, неотвратно, пошёл на меня.

Я не стала поднимать посох, хотя каждый мускул моего тела кричал об опасности. Лим за моей спиной напрягся, готовый рвануться в бой, но я остановила его мыслью: «Нет. Дай мне». Кощей тоже не двинулся с места, всем своим видом показывая, что это испытание — моё. Я пошла навстречу воину, глядя не на его клинок, а в его пустые глаза.

— Ты отказался убивать безоружных, — сказала я тихо, но мой голос эхом разнёсся под сводами пещеры. — Ты выбрал милосердие. Ты — не орудие. Ты — не тень. Вспомни. Вспомни, кем ты был до того, как этот мир сломал тебя.

Его шаг замедлился. Меч в его руке дрогнул, но он снова занёс его для удара. Я слышала, как на трибунах затаили дыхание. Я не пыталась создать магический щит или отразить его силу. Вместо этого я сделала то, чего он не ожидал, то, чего никто не ожидал. Я опустилась на колени и склонила голову.

— Я не буду с тобой сражаться. Я — Марьяна. Я пришла,

чтобы вывести тебя отсюда. Сложи меч.

Толпа взревела от негодования и насмешек. Клинок воина описал дугу, с невероятной скоростью рассёк воздух и замер в дюйме от моей шеи. Я чувствовала его холод — не льда, а пустоты. Его призрачная рука дрожала, по лицу пробегала судорога борьбы. А потом из его глазниц, из этих бездонных провалов, скатилась одна-единственная слеза. Она упала на каменные плиты и разбилась, как хрусталь. Меч со звоном рухнул на пол, и этот звук был громче, чем рёв всей арены. Воин рухнул на колени напротив меня.

— Я помню, — прохрипел он. — Я помню

— Ты свободен, — прошептала я, коснувшись его призрачной головы.

Но в тот же миг воздух прорезал дикий, нечеловеческий вопль ярости. Это был правитель Расаталы. Он сорвался со своего трона, и вся арена содрогнулась от его гнева. Толпа демонов, повинаясь его воле, хлынула вниз, окружая нас. Путь к portalу был отрезан.

— Снова, — выдохнула я, чувствуя, как Сердце Вечной Ночи на груди запульсировало чаще.

— Нет, — раздался спокойный, уверенный голос Кощея.
— Когда я был Бессмертным, я, как и этот воин, был рабом собственной роли. Когда ты, Марьяна, дала мне выбор, я понял, что нужно делать. Я — Серебряный Страж. Я знаю, что такое держать строй.

Он поднял свой посох из белого дерева, и с его вершины ударила ослепительная вспышка серебряного света. Это не был атакующий удар, способный испепелить врагов. Это был свет, который показал демонам на миг их собственное отражение — их шрамы, их пустые глаза, их души, навеки запертые в колесе жестокости. Они замерли в замешательстве, ослеплённые не силой, а правдой. Этого мгновения хватило, чтобы освобождённая душа воина, в которой вдруг проснулась древняя, забытая сила, выпрямилась в полный рост. Он поднял с земли свой призрачный меч, но теперь он держал его не для убийства. Он встал между нами и армией Расаталы.

— Я задержу их, — сказал он, и его голос больше не был хрипом. — Я защищу твой путь, Марьяна. Это мой долг. Это мой выбор!

— Марьяна, скорее! — крикнул Кощей, и мы побежали. Лим, развернувшись, ударил по арке портала волной холода, вырывая проход в мир Яви. У самого портала я оберну-

лась. Воин сражался, но не для того, чтобы убить. Он парировал удары, закрывая нас своим телом, принимая на себя всю ярость Расаталы. Его призрачный меч звенел, отбивая удары десятков демонов, но он не отступал. И он улыбался. Впервые за тысячи лет он улыбался, потому что его проклятие было разрушено.

Мы перешагнули порог.

Мы упали на мягкую болотную траву. Я глубоко вдохнула родной, влажный воздух, чувствуя, как дрожит от напряжения каждая клеточка тела. Рядом со мной стоял Кошей, его одежда была опалена, но сам он был цел. Его лицо было спокойным, а в глазах горел тот самый живой огонь.

Душа воина, которую мы вытащили из бездны, парила над нами. Она обрела чёткие очертания — высокий мужчина с благородными чертами, в лёгких призрачных доспехах. Его лицо было спокойным и умиротворённым. Он посмотрел на меня, и в его глазах была благодарность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.